

С. Г. Осьмачко**Культура военной мысли в СССР (1920–1930-е гг.)**

В статье рассмотрены основные направления развития советской военной мысли, военной культуры в конце 1920-х – начале 1940-х гг. Показано вредное воздействие сталинизации государства и общества на советскую военную культуру, военно-научное познание.

Дана общая характеристика военной науке, военной истории и методологии в указанный хронологический период, оценка субъективному уровню руководства оборонной сферой в данном аспекте.

Оценено воздействие сталинистских деформаций в области военной методологии на решение основных задач военного строительства, к которым относились изменение структуры Вооруженных сил в связи с их коренной технической реконструкцией; определение порядка качественно-количественного соотношения видов Вооруженных сил и родов войск; выработка принципов стратегического планирования и руководства; определение характера будущей войны и особенно ее начального периода; разработка и совершенствование форм и способов ведения военных действий; организация тыла и всех видов обеспечения и пр.

Оценены дискуссии по военным вопросам, например, о роли марксизма-ленинизма в военном строительстве, о сущности и значении военной стратегии, о роли начального периода в будущей войне и пр.

Ключевые слова: сталинизм, военная наука, военная культура, военно-научный метод, методология военно-научного познания, «стратегия измора», «стратегия сокрушения», теория глубокого наступательного боя, теория глубокой наступательной операции.

S. G. Osmachko**Culture of the Military Thought in the USSR (1920–1930-s)**

In the article the main directions of development of the Soviet military thought, military culture in the late twenties – the beginning of the 1940-s are considered. A harmful impact of stalinization of the state and society on the Soviet military culture, military and scientific knowledge is presented.

The general characteristic is given to the military science, military history and methodology during the specified chronological period, an assessment to the subjective level of the management of the defensive sphere in this aspect.

Influence of Stalinist deformations in the field of military methodology on the solution of the main objectives of the military construction and the following ones treated to them: change of the structure of the Armed Forces in connection with their radical technical reconstruction; definition of the order of the qualitative and quantitative ratio of types of the Armed Forces and types of military forces; development of the principles of strategic planning and management; determination of the nature of future war and especially its initial stage; development and improvement of forms and ways of conducting military operations; organization of the back and all types of provision and so forth.

Discussions on military questions, for example, a role of Marxism-Leninism in military construction, about the essence and meaning of the military strategy, about the role of the initial stage in the future war, etc. are estimated.

Keywords: Stalinism, a military science, military culture, a military and scientific method, methodology of military – scientific knowledge, «a strategy of starvation», «a strategy of destruction», the theory of deep offensive combat, the theory of deep offensive operation.

Развитие советской военно-научной мысли, изучение военно-исторических проблем в 1920–1930-х гг. осуществлялось в общей обстановке сталинизации политических и социально-экономических процессов в СССР. Эмигрант полковник Н. В. Пятницкий в 1937 г., исследуя эволюцию советской доктрины, писал: «Общая культура вождей, порожденных революцией, проникнутых классовой психологией и выдвинутых мутью гражданской войны, еще долго может водить красный корабль по кривой – путанными и извилистыми путями» [23, с. 275].

Об этом же свидетельствует уровень военно-политической образованности некоторых советских военно-политических лидеров. К 1941 г. в РККА звания Маршала Советского Союза были удостоены 8 человек: М. Н. Тухачевский (окончил 6 классов гимназии, 1 год обучался в кадетском корпусе, в 1914 г. окончил Александровское военное училище, в царской армии дослужился до подпоручика); А. И. Егоров (6 классов гимназии, Казанское пехотное юнкерское военное училище, подполковник); В. К. Блюхер (начального образования нет, младший унтер-офицер по выслуге); С. М. Буденный (начального образования нет, чи-

тал и писал с трудом, в течение года обучался в Военной академии им. М. В. Фрунзе – 1932 г., вахмистр по выслуге); К. Е. Ворошилов (2 класса сельской земской школы); С. К. Тимошенко (унтер-офицерская учебная команда, вахмистр, Высшие академические курсы – 1922 и 1927 гг., Курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии; в общей сложности – полтора года обучения); Г. И. Кулик (начального образования нет, в течение года обучался в Военной академии им. М. В. Фрунзе – 1932 г.); Б. М. Шапошников (реальное училище, Алексеевское военное училище, Николаевская академия Генерального штаба – 1910 г., подполковник) [7, с. 168].

Низкий уровень образованности руководства дополнялся следующим:

– во-первых, советская военная наука, военная история и методология оказались выключенными из мирового историко-научного процесса. Покойный профессор Дж. Эриксон (Шотландия, Эдинбургский университет) не случайно упрекал советских военных историков в том, что они не читают трудов ни своих, ни зарубежных коллег. Главная беда «высокомерных организаторов» военно-исторической науки в том, что они не способны воспринимать новые идеи, «довольствуются отрывками ветхих концепций», а их военно-историческая «продукция» остается за пределами подлинной науки [2, с. 132];

– во-вторых, военно-научные кадры в 30-е гг. подверглись наиболее массированным репрессиям, так как обоснованно почитались режимом главным носителем «враждебных» теорий М. Н. Тухачевского и других представителей «заговора военных». В большей степени пострадали кадры военных академий: в 1936–1941 гг. в них по причине репрессий сменилось 35 начальников, все комиссары, начальники политотделов, почти все заместители, около 90 % начальников кафедр, около 80 % всего постоянного состава. К январю 1938 г. были репрессированы 117 начальников военных училищ. В целом в системе военного образования от репрессий пострадали около 100 % начальников военных академий, 22,6 % начальников военных училищ, 28,7 % их заместителей и 36,4 % преподавательского состава [20, с. 396–397, 404].

Так, в Академии Генерального штаба (образована в 1936 г.) были арестованы начальник академии, все начальники кафедр, большая часть преподавателей и не менее 20 % (137 чел.) первого набора слушателей. Значительно больше постра-

дала Военно-политическая академия, которую в 1938 г. перевели из Ленинграда в Москву, присвоив имя В. И. Ленина вместо Е. Г. Толмачева, погибшего еще в 1919 г., но задним числом объявленного оппозиционером. В ВПА было подряд арестовано 5 бывших начальников академии, все начальники кафедр и практически все преподаватели. Это явилось следствием «искоренения» «белорусско-толмачевской оппозиции», участников которой Л. З. Мехлис 5 июля 1938 г. приказал «изъять до последнего». Приказ был выполнен с надлежащим тщанием, в числе арестованных оказалось более 400 чел. [11, с. 64].

Талантливый военный ученый комбриг Г. С. Иссерсон – профессор, начальник оперативного факультета Военной академии им. М. В. Фрунзе, проведенный в лагерях 15 лет, – вспоминал, что значительная часть его сослуживцев, заместителей и преподавателей (А. В. Федотов, Е. Н. Сергеев, А. М. Перемытлов и др.) были принесены в жертву сталинской репрессивной политике [13, с. 41].

Репрессии – «вакханалия псевдореволюционного террора» [9, с. 38] – инспирировались самой сутью сталинского режима, лично вождем, утверждавшим: «В деле защиты суверенитета и независимости своей родины невозможно не наносить обиды внутренним врагам революции» [25, с. 57]. Репрессии в Красной армии затормозили развитие многих военно-теоретических и военно-исторических проблем. Исследователи военной истории просто опасались касаться особенно актуальных в политическом плане вопросов. Квалифицированные научно-педагогические кадры объявлялись «врагами народа», их издания изымались и объявлялись «вредительскими». В связи с этим позиция Г. А. Куманева (руководитель Центра военной истории России ИРИ РАН), основанная на том, что 1934–1955 гг. являются периодом расцвета военного дела в отечественной истории [18, с. 35], не выглядит убедительной. Естественно, что вышеуказанный негативный потенциал советской военной, военно-исторической науки существенно мешал эффективно решать коренные проблемы военного строительства, стоявшие в межвоенный период. К ним, по мнению А. Н. Азовцева, относились следующие:

- изменение структуры Вооруженных сил в связи с коренным изменением вооружения и военной техники;
- качественно-количественное соотношение видов Вооруженных сил и родов войск;
- выработка принципов стратегического пла-

нирования и руководства;

- определение характера будущей войны и особенно ее начального периода;
- разработка и совершенствование форм и способов ведения военных действий в стратегическом, оперативном и тактическом масштабе;
- выработка форм и методов обучения и воспитания личного состава;
- подготовка военных кадров;
- организация тыла и материально-технического снабжения [1, с. 221–222].

Наконец, дело усложнялось и растущей закрытостью как общих проблем военного строительства, так и всех оперативно-стратегических деталей. Сегодня неизвестны документы, в которых были бы закреплены взгляды политического и военного руководства на стратегический характер будущей войны и, соответственно, на советскую военную доктрину. Проходившие в 20-е – начале 30-х гг. дискуссии в печати по этим вопросам были прекращены довольно решительно: в 1933 г. увидел свет приказ наркома обороны СССР «О запрещении опубликования в открытой печати оперативно-тактических и технических проблем, вытекающих из технической реконструкции РККА»; с 1934 г. был резко ограничен круг лиц, имеющих в мирное время отношение к обсуждению вопросов стратегического характера [21, с. 15–16].

Открывшиеся в последние годы архивы также пока не представили исследователям каких-либо стратегических, доктринальных концептуальных документов. Поэтому мы судим о взглядах высшего политического руководства на проблемы развития войны и военного дела по косвенным признакам (например, военное, экономическое, мобилизационное планирование и т. п.). Генерал-полковник В. Н. Лобов, предпринявший исследование развития советской военной стратегии на рубеже 20–30-х гг., отмечал, что «во второй половине 30-х гг. развитие советской военной теории, в частности теории стратегии, проходило в чрезвычайно тяжелой обстановке» [19, с. 48].

Отношение к стратегии, ее изучению становилось все сложнее. В 1935 г. в Военной академии им. М. В. Фрунзе в учебную программу военно-исторического факультета был введен 32-часовой курс лекций по истории военной стратегии, но ни одна лекция так и не была прочитана. В 1936 г. была учреждена Академия Генерального штаба, но в ее программах не было курса стратегии. Представители высшего военного командования уклонялись от чтения лекций в академии (только

М. Н. Тухачевский однажды выступил перед слушателями по общим проблемам современной войны).

Вопросы стратегии все больше считались прерогативой высшего руководства в лице И. В. Сталина. Малейший намек на необходимость исследования вопросов теории стратегии «наталкивался на глухую стену. Необоснованные репрессии, которым была подвергнута и без того немногочисленная группа военачальников и теоретиков, разрабатывавших теорию стратегии, приостановили развитие стратегической теории. Многие интересные концепции, положения, высказанные в 20-х – начале 30-х гг., были объявлены чуждыми, враждебными. Последствия такого отношения к развитию теории стратегии... были роковыми для начала войны в 1941 г.» [19, с. 49].

Авторы «Истории военной стратегии» (2000 г.) задним числом предлагают современному читателю некие образы сталинской военной стратегии, выделяя ее:

- «особые непреходящие черты»: национальную самобытность, опору главным образом на собственные национальные силы; континентальность; периферийную направленность; поочередную нейтрализацию угроз с Запада, Юга и Востока; пропорциональное развитие всех сил с преимущественной ставкой на Сухопутные войска; решительность действий, гибкое сочетание наступления и обороны, позиционных и маневренных форм борьбы;

- «общие основные положения»: классовый подход по всем вопросам военного дела; единство политического и военного руководства, марксистско-ленинский подход к анализу факторов, определяющих ход и исход войны, и их учет при стратегическом планировании и руководстве военными действиями; использование противоречий в стане врага, предельная решительность и бескомпромиссность действий; оптимальное определение направления главного удара и сосредоточения основных усилий для решения наиболее важных задач; гибкое маневрирование резервами; рациональное расходование сил и средств; последовательное наращивание усилий на избранных направлениях вплоть до полного разгрома противника, умелое создание и эффективное использование крупных резервов; рациональное сочетание многообразных видов, форм и способов военных действий [14, с. 6–14].

Если убрать из перечисленного общие места и военные банальности, то оставшееся не позволяет качественно проанализировать основные темы

развития сталинистской военной науки и военной истории. Видные военные историки отмечали, что и в 70-е гг. прошлого века советская военная наука еще не выработала единого взгляда на такие понятия, как «методология», «метод», «методика», «методологическая проблема» [17, с. 50–51]. Тем более, в 20–30-е гг. эту сферу отличали «разброд и шатания». Но если в 20-е гг. многие военно-теоретические вопросы широко дискутировались, то в 30-е гг. всесильный политический «верх» прекратил «бесплодные обсуждения», так как сам определял, «как надо» мыслить и действовать.

В 20-е гг. широко обсуждался тезис о неприменении марксизма-ленинизма к военному делу. Л. Д. Троцкий, выступая 1 апреля 1922 г. на совещании военных делегатов XI съезда РКП(б), заявил, что «военной науки нет и не было; то, что называют теорией войны, есть совокупность практических приемов и способов. Война – это ремесло, поэтому марксизм не имеет отношения к практическому ведению войны. Марксизм можно применять лишь к истории войн» [16, с. 52].

Эти подходы широко обсуждались военной общественностью: 8 мая 1922 г. – в Военной академии РККА, в марте 1926 г. – на Всесоюзном съезде Военно-научного общества, в военной печати. В 1931 г. в Военной академии им. М. В. Фрунзе проводилась дискуссия по работам руководителя социально-экономического цикла Б. Горева, «игнорировавшего ленинизм как марксизм, эпохи империализма, как новую ступень в развитии марксистской мысли». Научно-педагогические активисты становящейся сталинистской военно-исторической методологии «дали бой» Гореву. А с 1932/33 учебного года во всех военных академиях был введен курс «Марксистско-ленинское учение о войне и армии» [16, с. 53–55].

После Гражданской войны в стране было мало военно-научных кадров (сказались и потери в войнах, и эмиграция, и политические мотивы, и возрастные характеристики). Если рассматривать традиционное историографическое перечисление советских военно-научных, военно-исторических трудов, созданных в межвоенных условиях, то обязательно называются работы М. В. Фрунзе («Единая военная доктрина и Красная Армия», «Фронт и тыл в войне будущего», «Основные военные задачи момента»), М. Н. Тухачевского («Стратегия национальная и классовая», «Война как проблема вооруженной борьбы», «Вопросы современной стратегии»), А. А. Свечина («Стратегия»), Б. М. Шапошникова («Мозг армии»),

А. В. Голубева, С. Н. Красильникова, В. К. Триандафиллова, Е. А. Шиловского, Г. С. Иссерсона, В. Н. Лапчинского и некоторых других авторов о характере будущей войны.

Причем центр тяжести исследований приходится на оперативные вопросы, в отношении которых наблюдалось известное единство взглядов и суждений; в отношении военной стратегии этого единства не было. В то время единственной открытой работой была «Стратегия» А. А. Свечина (первое издание вышло в 1926 г.). Больше всего споров возникло в вопросе о «стратегии измора» и «стратегии сокрушения».

В определениях А. А. Свечина:

– «стратегия сокрушения» стремится единым порывом достигнуть поставленной цели, ряд последовательных операций рассматривает как единое целое. Стратегия сокрушения добивается решающих побед путем сокрушительного разгрома живой силы противника. Она оперирует элементами быстроты и прямолинейности действий и массивностью удара. Генеральное сражение рассматривается не как средство ведения войны, а получает самодовлеющее значение. Все подчинено основной идее стратегии сокрушения, которая должна обеспечить решающий успех. И этим определяется стратегическая линия поведения;

– «стратегия измора» основана на постепенном изматывании и ослаблении противника. Она сочетает последовательное решение ограниченных задач с гибкой тактикой маневрирования для создания необходимого превосходства в интересах последнего, решающего удара. При этом преобладающее значение имеет не уничтожение живой силы противника (это лишь часть задачи вооруженного фронта), а всемерное ослабление противника в политическом и экономическом отношении. И этим определится линия поведения стратегии измора в войне.

Дискуссия вокруг стратегических тезисов А. А. Свечина имела положительное значение хотя бы потому, что «давала большой материал для размышления и дискуссий, порой очень острых и длительных, в процессе которых вырабатывалось и оформлялось... понимание и толкование подлинной сущности задач военного искусства» [5, с. 15].

А. А. Свечин был арестован 20 февраля 1931 г., ему инкриминировалось участие в мифической контрреволюционной организации «Весна» (примерно годом ранее по этому же делу был арестован другой замечательный военный мыслитель

А. Е. Снесарев); в это время военно-политическое руководство страны начало демонстративно отрицательно относиться к буржуазным, в том числе военным, специалистам.

В апреле 1931 г., когда А. А. Свечин находился в заключении, была проведена мощная кампания по дискредитации его самого и его военно-научной деятельности. Далеко не лучшим образом повел себя в этой ситуации давний оппонент А. А. Свечина М. Н. Тухачевский, совсем недавно поддержавший выдвижение ныне опального генерала на присвоение научной премии. В ходе открытого заседания пленума секции по изучению проблем войны Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР, проходившего 25 апреля 1931 г., М. Н. Тухачевский предъявлял А. А. Свечину серьезные обвинения: «Мы видим у него статьи озлобленного порядка и антисоветского содержания..., – и далее. – В развитии военной теории иметь правильную вооруженность марксистско-ленинским методом является основной задачей, и в свете этой задачи очищение нашей военной мысли от всякого свечинского наноса является вопросом первостепенной и первоочередной важности» [26, с. 3].

А. А. Свечину перманентно вменяли в вину «пораженчество», «потворство врагу»; на деле же строптивый профессор просто не соглашался с несостоятельными советскими доктринальными установками о том, что РККА должна немедленно и обязательно наступать, бить врага на его территории и т. д. Поведение М. Н. Тухачевского, знавшего цену теоретическому таланту А. А. Свечина, «остается навсегда позорным пятном» в биографии будущего маршала, «актом умышленной измены делу профессиональной чести и достоинства» [8, с. 16].

А. А. Свечин был досрочно освобожден в феврале и вторично арестован в декабре 1937 г. 29 июля 1938 г. он был расстрелян.

По мнению Г. С. Иссерсона, на рубеже 20–30-х гг. советская военная мысль, переходя от анализа позиционных форм борьбы времен Первой мировой войны к разработке теорий глубоких форм вооруженного противоборства, достигла замечательных успехов [13, с. 36]. Речь идет о теории глубокого наступательного боя и операции.

Начало этому процессу положили два документа: докладная записка М. Е. Тухачевского о реконструкции РККА и оснащении ее новыми средствами вооруженной борьбы, главным образом танками и авиацией; и докладная записка В. К. Триандафиллова об использовании танков в

наступательном бою. Первый документ сначала вызвал резкую отповедь И. В. Сталина, но 7 мая 1932 г. вождь написал М. В. Тухачевскому письмо, в котором извинился за то, что ранее неверно оценивал его предложения. Это письмо «означало коренное изменение советской военно-политической доктрины». Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. планы строительства армии исходили из следующих основных установок: во-первых, по численности – не уступать вероятным противникам (после развертывания армия должна была иметь 3,5 млн чел.); во-вторых, по технике – быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружений. Есть основания полагать, что «письмо 1932 г. являлось одним из первых проявлений государственной военной (и не только) политики 1930–1980-х гг.» [15, с. 149].

Уже Полевой устав РККА 1929 г. (ПУ-29) содержал некоторые практические положения для перехода к глубокой тактике, основанной на действиях объединенных и скоординированных родов войск. В начале 30-х гг. в Военной академии им. М. В. Фрунзе тактические задачи решались – на местности и на картах – на тактических основах глубокого боя. При этом К. Е. Ворошилов неоднократно обнаруживал «явное непонимание существа вопроса», часто выступал с критикой М. Н. Тухачевского, который «терпеливо разъяснял наркому свою точку зрения» [13, с. 38]. Однако уже в феврале 1933 г. Красная армия получила официальное руководство «Временные указания по организации глубокого боя», выпущенное Генеральным штабом и разработанное под руководством начальника управления боевой подготовки РККА А. И. Седякина.

Одновременно встал вопрос о разработке теории глубокой наступательной операции. Большая работа в этом отношении, начатая еще в 1931–1932 гг., связана с деятельностью созданного в Военной академии им. М. В. Фрунзе оперативного факультета (его возглавил Г. С. Иссерсон). Начальник академии Р. П. Эйдемман создал для работы сотрудников факультета исключительно благоприятные условия, так как творчески «умел ценить и уважать молодые, творчески работающие кадры, обучать их и помогать им». Ценные указания давали М. Н. Тухачевский, А. И. Седякин и начальник Штаба РККА А. И. Егоров, который также «придерживался передовых взглядов на новый характер современных операций». А. И. Егоров сначала называл глубокую операцию «пространственной» (доклад в академии в 1931 г.), но постепенно принял к использованию понятие

«глубокой операции». Старые военные специалисты (Н. Н. Варфоломеев, Е. А. Шиловский, Н. Н. Шварц, Ф. П. Шафалович, А. И. Готовцев и мн. др.) поначалу «встретили разработки оперативного факультета неверием и ироническими замечаниями», но постепенно «встали на новый путь» и принесли большую пользу делу. Даже «А. А. Свечин в конечном счете согласился с неизбежностью перехода к новым формам борьбы» [13, с. 41–42].

Принципиальная схема глубокой операции была принята в Военной академии им. М. В. Фрунзе уже в 1932 г.; на ее основе было разработано новое оперативное задание на карте («Глубокая наступательная операция ударной армии»), которое после издания рассылалось в другие академии и штабы военных округов. В 1932 г. на оперативном факультете читались лекции по тактике глубокого боя, началось преподавание теории глубокой операции (соответствующее издание «Основы глубокой операции» с теоретической, прикладной и расчетной составляющими в качестве неофициального учебного пособия было разослано в военно-учебные заведения и военные округа по решению заместителя наркома обороны М. Н. Тухачевского и начальника Штаба РККА А. И. Егорова). Наконец, в 1933 г. на факультете была проведена большая двусторонняя оперативная военная игра (под руководством А. И. Егорова), на которой в течение 3-х дней вопросы глубоких форм вооруженной борьбы впервые получили полное научно-практическое воплощение.

Также под непосредственным руководством М. Н. Тухачевского и А. И. Егорова был разработан и 30 декабря 1936 г. утвержден Временный полевой устав РККА 1936 г. (ПУ-36), все разделы которого были проникнуты идеями глубокого наступательного боя и даже содержали элементы аналогичной операции. «Современные технические средства, – записано в ПУ-36, – позволяют достигать одновременного поражения боевого порядка противника на всю глубину его расположения» [22, с. 18].

ПУ-36 де-факто действовал до начала Великой Отечественной войны. Во второй половине 30-х гг. руководство приступило к пересмотру многих его положений: прежде всего сказались то, что это «вредительские теории» репрессированных военачальников; далее, следовало обобщить боевой опыт, полученный РККА в 30-е гг., а также опыт начавшейся Второй мировой войны.

В это время военная стратегия, ряд вопросов оперативного искусства перестали изучаться в военных академиях; «глубокое изучение военно-научных проблем, разработка принципиальных вопросов вождения войск стали заменяться узким, чисто прикладным их решением – ползучим эмпиризмом»; «военная теория сводилась по существу к составлению мозаики из высказываний Сталина по военным вопросам» [22, с. 21–22]. Замена науки идеологией, начетничество и цитатничество особенно явно проявились, например, в содержании сборника научных трудов «Великий корифей марксистско-ленинской науки», выпущенного преподавателями Военно-политической академии им. В. И. Ленина к 60-летию И. В. Сталина. В сборнике вождь представлен «великим стратегом и тактиком», а также неоднократно утверждалось, что «сталинская военная стратегия и тактика... имеют решающее преимущество перед капитализмом» [3, с. 145, 197, 207].

Самостоятельные действия мотомеханизированных и кавалерийских соединений впереди фронта и в оперативной глубине противника (важнейшие элементы глубокой наступательной операции) не просто отвергались, но и объявлялись «вредительскими», что привело (после войны в Испании) к расформированию всех мехкорпусов. Задачи авиации сводились к действиям над полем боя в тесной тактической связи с наземными войсками и мн. др. Такие мероприятия свидетельствовали о повороте военной теории назад – к линейным формам борьбы в оперативном масштабе [5, с.22].

Началась разработка нового варианта полевого устава (под руководством начальника управления боевой подготовки войск наркомата обороны генерал-лейтенанта В. Н. Курдюмова). Опубликованный в 1939 г. проект ПУ-39 по своему объему в два раза превосходил ПУ-36. Изобилие идеологизированной доктринальности, например, в отношении наступления, характеризует следующий достаточно известный фрагмент: «На всякое нападение врага СССР ответит сокрушающим ударом всей мощи своих Вооруженных Сил... Если враг навязет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенося ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армией будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника» [22, с. 9].

Проект ПУ-39 был передан на рассмотрение Государственной уставной комиссии под предсе-

дательством первого заместителя наркома обороны С. М. Буденного. Летом 1940 г. проект был разослан в войска, вузы, управления и пр. для обсуждения. В 1941 г. обсужденный проект был вновь рассмотрен специальной комиссией под председательством К. А. Мерецкова, несколько сокращен и вновь разослан на места для повторного обсуждения. Этот документ так и не был утвержден, но им также фактически руководствовались войска в боевой подготовке и в первые годы Великой Отечественной войны» [6, с. 21].

В предвоенной теории и практике оборонного строительства явно недостаточное внимание уделялось обороне и начальному периоду войны. В принципе, вынужденный отход войск на отдельных участках допускался; проблема же вывода крупных сил из-под ударов противника не была разработана ни теоретически, ни практически. Т. о., оборона играла подчиненную роль по отношению к наступлению; такие подходы дорого обошлись нашей стране и армии в годы войны [4, с. 169].

Начальный период войны понимался как «отрезок времени от начала военных действий до вступления в операции основной массы вооруженных сил. Продолжительность начального периода определялась в 15–20 дней с момента начала войны. В течение этого срока предполагалось вести боевые действия войск прикрытия и борьбу за господство в воздухе при одновременном проведении мобилизации, сосредоточения и развертывания главных сил» [4, с. 169]. Таким образом, военные действия в начальный период мыслились в ограниченных масштабах. Этот ошибочный взгляд на содержание начального периода войны оказал отрицательное влияние на подготовку наших Вооруженных сил к войне.

В 1940 г. Г. С. Иссерсон в работе «Новые формы обороны» утверждал, что новые виды вооружения и техники придают боевым действиям качественно иной характер; а война в Европе показала, что немцы начинали военные действия заранее отобилизованными и развернутыми силами, вкладывая в их первоначальный удар всю свою мощь [12, с. 29].

Официальный же взгляд не менялся: считалось, что в ходе начального периода армии приграничных округов, опираясь на действия авиации, бронетехники и механизированных войск, отразят нападение противника и перенесут борьбу на его территорию. Одновременно будет завершена мобилизация, сосредоточение и развертывание главных сил, которые, опираясь на усиленные

действия войск армий прикрытия, начнут свои операции в значительно более выгодных условиях. В декабре 1940 г. на совещании высшего состава начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант П. С. Кленов резко критиковал точку зрения Г. С. Иссерсона в отношении оценок опыта германо-польской войны, особенно по поводу того, что «начального периода войны не будет», а начнется она вторжением готовых сил: «Я считаю подобный вывод преждевременным. Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск» [24, с. 153].

Трудно не согласиться с точкой зрения Г. К. Жукова: «Крупным пробелом в советской военной науке было то, что мы не сделали практических выводов из опыта сражений начального периода второй мировой войны» [10, с. 323–324].

Отсутствие учета реально сложившейся обстановки, недооценка возможностей противника и переоценка своих возможностей привели к тому, что соответствующая оборонительная группировка войск, способная отразить массированные удары противника, не была создана.

Наконец, огромное влияние на неудачный для нас исход начального периода войны оказало низкое качество стратегического руководства. Директива Генерального штаба РККА 22 июня 1941 г. о приведении войск приграничных округов в боевую готовность оказалась запоздалой и не смогла изменить неблагоприятную обстановку. В 8:30–9:00 22 июня 1941 г. войска приграничных округов получили вторую директиву, содержащую требование уничтожить вражеские силы, нарушившие государственную границу СССР. Вечером того же дня новая директива поставила более решительную задачу: окружить и уничтожить сувалкинскую и сокальскую группировки противника и к исходу 24 июня овладеть районами Сувалки и Люблин. Высшее военное руководство, «не представляя истинной картины событий, стремилось осуществить тот замысел действий войск, который предусматривался еще до войны.

Однако попытка выполнить эти решения окончилась полной неудачей. Стало ясно, что армии прикрытия не в состоянии уже ликвидировать вторгнувшегося и продвинувшегося на большую глубину врага... Наступательные намерения советского командования... были опровергнуты

всем ходом событий. Потребовался коренной пересмотр стратегических концепций» [4, с. 191, 192]. Историки военной стратегии Советского Союза вынуждены признать как свершившийся факт несовершенство стратегического, научно-технического и практического уровня предвоенного оборонного строительства: «Не все предвоенные взгляды выдержали суровый экзамен войны. Прежде всего, это имеет отношение к сложившимся в предвоенные годы представлениям о характере и способах ведения войны, роли ее начального периода, системе стратегических действий Вооруженных Сил и стратегического руководства ими» [14, с. 255]. Все это сыграла колоссальную отрицательную роль в Великой Отечественной войне. Подобное не должно повториться.

Библиографический список

1. Азовцев, Н. Н. В. И. Ленин и советская военная наука [Текст]. – М. : Наука, 1981. – 417 с.
2. Басов, А. В., Мерцалов, А. Н. Вернуть науку в Вооруженные Силы [Текст] // Военно-исторический архив. – 2004. – № 4. – С. 112–135.
3. Великий корифей марксистско-ленинской науки. К шестидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина [Текст]. – М. : Воениздат, 1940. – 640 с.
4. Военная стратегия [Текст]. – М. : Воениздат, 1963. – 377 с.
5. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.) [Текст]. – М. : Воениздат, 1965. – 284 с.
6. Вопросы тактики в советских воинских трудах (1917–1940 гг.) [Текст]. – М. : Воениздат, 1970. – 362 с.
7. Голицын, В. Качественное состояние РККА к июню 1941 г. и причины поражений на первом этапе войны [Текст] // Рейгер. – 2005. – № 8. – С. 132–174.
8. Даниленко, И. Трагическая судьба героя и мыслителя [Текст] // Свечин А. А. Эволюция военного искусства. – М. : Академический проект; Жуковский; Кучуково поле, 2002. – 540 с.
9. Дессберг, Ф., Кен, О. Н. 1937–1938: Красная армия в донесениях французских атташе [Текст] // Вопросы истории. – 2004. – № 10. – С. 26–44.
10. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления [Текст]. – М. : АПН, 1990. – 712 с.
11. Звягинцев, В. Е. «Изъять до последнего...» [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 6. – С. 52–66.
12. Иссерсон, Г. С. Новые формы борьбы: (Опыт исследования современных войн) [Текст]. – М., 1940. – Вып. 1. – 250 с.
13. Иссерсон, Г. С. Развитие теории советского оперативного искусства в 30-е годы [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1965. – № 1. – С. 3–17.
14. История военной стратегии России [Текст]. – М. : Кучуково поле; Полиграфресурсы, 2000. – 664 с.
15. Кен, О. Н. «Моя оценка была слишком резкой». И. В. Сталин и реконструкция РККА 1930–1932 гг. [Текст] // Исторический архив. – 1998. – № 5/6. – С. 120–153.
16. Коротков, И. К истории становления советской военной науки [Текст] // Вестник военной истории: научные записки. – М. : Воениздат, 1971. – Вып. 2. – С. 46–58.
17. Кулаков, В., Тюшкевич, С., Волгин, В. К вопросу о методологии советской военно-исторической науки [Текст] // Вестник военной истории: научные записки. – М. : Воениздат, 1970. – Вып. 1. – С. 45–56.
18. Куманев, Г. А., Артамонов, В. А. Отечественное военное дело XVIII–XX вв. [Текст] // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем: материалы Международной научно-практической конференции. – М. : МО РФ, 2006. – С. 32–47.
19. Лобов, В. Н. Актуальные вопросы развития советской военной стратегии 20-х – середины 30-х годов [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 2. – С. 32–52.
20. Лушников, А. М. Военно-учебные заведения России в 1861–1941 гг.: социально-политические аспекты развития [Текст]: дис. ... д-ра. ист. наук (07.00.02). – Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 1993. – 654 с.
21. Мелия, А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР (1921–1941 гг.): сборник статей [Текст]. – М. : Альпина Бизнес Бук, 2004. – С. 12–23.
22. Полевой устав РККА (ПУ-36) [Текст]. – М. : Воениздат, 1936. – 118 с.
23. Пятницкий, И. В. Эволюция красной военной доктрины (1917–1937 гг.) [Текст] // Российский военный сборник. – Вып. 16. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. – М. : Военный университет; Русский путь, 1999. – С. 264–282.
24. Русский архив: Великая Отечественная [Текст]. – М., 1993. – Т. 12 (1). – 164 с.
25. Советы И. В. Сталина монгольскому премьеру [Текст] // Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 6. – С. 54–57.
26. Тухачевский, М. Н. О стратегических взглядах профессора Свечина [Текст]: стенограмма Открытого заседания пленума секции по изучению проблем войны Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР, 25 апреля 1931 г. – М. : Госвоениздат, 1931. – С. 3–11.

Bibliograficheskij spisok

1. Azovcev, N. N. V. I. Lenin i sovetskaja voennaja nauka [Tekst]. – M. : Nauka, 1981. – 417 s.
2. Basov, A. V., Mercalov, A. N. Vernut' nauku v Vooruzhennye Sily [Tekst] // Voenno-istoricheskij arhiv. – 2004. – № 4. – S. 112–135.
3. Velikij korifej marksistsko-leninskoj nauki. K shestidesjatiletiju so dnja rozhdenija I. V. Stalina [Tekst]. – M. : Voenizdat, 1940. – 640 s.

4. Voennaja strategija [Tekst]. – M. : Voenizdat, 1963. – 377 s.
5. Voprosy strategii i operativnogo iskusstva v sovjetskix voennyx trudax (1917–1940 gg.) [Tekst]. – M. : Voenizdat, 1965. – 284 s.
6. Voprosy taktiki v sovjetskix voinskix trudax (1917–1940 gg.) [Tekst]. – M. : Voenizdat, 1970. – 362 s.
7. Golicyn, V. Kachestvennoe sostojanie RKKK k ijunju 1941 g. i prichiny porazhenij na pervom jetape vojny [Tekst] // Rejter. – 2005. – № 8. – S. 132–174.
8. Danilenko, I. Tragicheskaja sud'ba geroja i myslitelja [Tekst] // Svechin A. A. Jevoljucija voennogo iskusstva. – M. : Akademicheskij proekt; Zhukovskij; Kuchukovo pole, 2002. – 540 s.
9. Dessberg, F., Ken, O. N. 1937–1938: Krasnaja armija v donesenijah francuzskih attashe [Tekst] // Voprosy istorii. – 2004. – № 10. – S. 26–44.
10. Zhukov, G. K. Vospominanija i razmyshlenija [Tekst]. – M. : APN, 1990. – 712 s.
11. Zvjagincev, V. E. «Iz#jat' do poslednego...» [Tekst] // Voенно-istoricheskij zhurnal. – 1994. – № 6. – S. 52–66.
12. Isserson, G. S. Novye formy bor'by: (Opyt issledovanija sovremennyx vojn) [Tekst]. – M., 1940. – Vyp. 1. – 250 s.
13. Isserson, G. S. Razvitie teorii sovjetskogo operativnogo iskusstva v 30-e gody [Tekst] // Voенно-istoricheskij zhurnal. – 1965. – № 1. – S. 3–17.
14. Istorija voennoj strategii Rossii [Tekst]. – M. : Kuchukovo pole; Poligrafresursy, 2000. – 664 s.
15. Ken, O. N. «Moja ocenka byla slishkom rezkoj». I. V. Stalin i rekonstrukcija RKKK 1930–1932 gg. [Tekst] // Istoricheskij arhiv. – 1998. – № 5/6. – S. 120–153.
16. Korotkov, I. K istorii stanovlenija sovjetskogo voennoj nauki [Tekst] // Vestnik voennoj istorii: nauchnye zapiski. – M. : Voenizdat, 1971. – Vyp.2. – S. 46–58.
17. Kulakov, V., Tjushkevich, S., Volgin, V. K voprosu o metodologii sovjetskogo voенно-istoricheskogo nauki [Tekst] // Vestnik voennoj istorii: nauchnye zapiski. – M. : Voenizdat, 1970. – Vyp. 1. – S. 45–56.
18. Kumanev, G. A., Artamonov, V. A. Otechestvennoe voенное delo XVIII–XX vv. [Tekst] // Voенное delo Rossii i ee sosedej v proshlom, nastojashhem i budushhem : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. – M. : MO RF, 2006. – S. 32–47.
19. Lobov, V. N. Aktual'nye voprosy razvitija sovjetskogo voennoj strategii 20-h – serediny 30-h godov [Tekst] // Voенно-istoricheskij zhurnal. – 1989. – № 2. – S. 32–52.
20. Lushnikov, A. M. Voенно-uchebnye zavedenija Rossii v 1861–1941 gg.: social'no-politicheskie aspekty razvitija [Tekst] : dis. ... d-ra. ist. nauk (07.00.02). – Jaroslavl' : JarGU im. P. G. Demidova, 1993. – 654 s.
21. Melija, A. A. Mobilizacionnaja podgotovka narodnogo hozjajstva SSSR (1921–1941 gg.): sbornik statej [Tekst]. – M. : Al'pina Biznes Buk, 2004. – S. 12–23.
22. Polevoj ustav RKKK (PU-36) [Tekst]. – M. : Voenizdat, 1936. – 118 s.
23. Pjatnickij, I. V. Jevoljucija krasnoj voennoj doktriny (1917–1937 gg.) [Tekst] // Rossijskij voennyj sbornik. – Vyp. 16. Voennaja mysl' v izgnanii: Tvorchestvo russkoj voennoj jemigracii. – M. : Voennyj universitet; Russkij put', 1999. – S. 264–282.
24. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja [Tekst]. – M., 1993. – T. 12 (1). – 164 s.
25. Sovety I. V. Stalina mongol'skomu prem'eru [Tekst] // Azija i Afrika segodnja. – 1991. – № 6. – S. 54–57.
26. Tuhachevskij, M. N. O strategicheskix vzgljadah professora Svechina [Tekst] : stenogramma Otkrytogo zasedanija plenuma sekcii po izucheniju problem vojny Leningradskogo otdelenija Kommunisticheskoi akademii pri CIK SSSR, 25 aprelja 1931 g. – M. : Gosmvoenizdat, 1931. – S. 3–11.